

АВТОР этих заметок вот уже два десятилетия собирает материалы о замечательном венгерском писателе - интернационалисте Матэ Залке, о судьбах тех патриотов-интербригадцев, что под командованием легендарного Лукача во второй половине тридцатых годов защищали республиканскую Испанию.

Некоторые из этих заметок мы сегодня предлагаем вниманию читателей «Смены».

МАТЭ ЗАЛКА! Кто из советских людей не знает имени этого бесстрашного человека, выдающегося революционера, героя гражданской войны, писателя? «Матэ» — любовно называли его в годы гражданской войны сибирские партизаны. В Средней Азии во главе кавалерийского эскадрона он громил басмаческие банды. От тех далеких грозных лет осталась маленькая потускневшая фотокарточка — красноармейский командир М. Залка в буденовке с красной звездой.

Русским именем Матвей Михайлович называли его в тридцатые годы москвичи. Тогда он жил среди них, активно участвовал в общественной жизни, работая над романом «Добердо». С той поры дошел до нас еще один документ — военный билет, выданный советскому гражданину Матвею Михайловичу Залке 23 апреля 1933 года Фрунзенским военным комиссариатом города Москвы.

— В те годы Матэ связывала большая дружба с Николаем Островским, — рассказывала мне жена автора романа «Как закалялась сталь» Раиса Порфирьевна Островская. — Он бывал частым гостем в нашем доме. Последний раз он беседовал с моим мужем в первые дни войны в Испании. Лишь один Коля знал, что Матэ уезжает туда воевать. Я долгое время не могла поверить, что испанский генерал Лукач — это весельчак и остролов, скромный и сердечный товарищ, искренний друг нашей страны — Матэ...

В целях конспирации многие добровольцы - интернационалисты, уезжая воевать на Пиреней, скрывали свои подлинные имена под псевдонимами. Генералом Лукачем стал в те дни командир прославленной 12-й Интернациональной бригады, венгерский писатель-коммунист Матэ Залка. Известно, что его ближайшим помощником на фронте в последние месяцы был товарищ Фриц Пабло, деливший с писателем все тяжести и невзгоды боев с фашистами. Какова же настоящая фамилия Фрица Пабло — соратника писателя? Этот вопрос не выходил из моей головы несколько лет. И вот однажды, я служил тогда в рядах Советской Армии, генерал Павел Иванович Батов в одном из своих выступлений на страницах нашей армейской газеты обмолвился, что в конце тридцатых годов, будучи на испанском фронте, он носил псевдоним Фрица Пабло. В Москву я отправил письмо, в котором просил генерала армии П. И. Батова рассказать о своих встречах с венгерским писателем-коммунистом.

«Получил Ваше письмо. Занятость по службе не позволила мне ответить раньше, — писал Павел Иванович. — Выполнию вашу просьбу... В этих воспоминаниях кратко описана и боевая деятельность товарища Матэ Залки...». «В любви и уважении к людям он не знал границ, — вспоминает генерал Батов о своем боевом друге. — Никакой путь не был для него долг, и сон был невозможен, если он мог что-нибудь сделать, чтобы уберечь, накормить, развлечь, подбодрить своих людей. Всю жизнь до последних дней он боролся за счастье простых тружеников.

...Я ехал с Матэ Залкой в

Воспользовавшись одним из полученных адресов, я решил совершить поездку на Западную Украину.

...Мы сидим в зеленом уютном дворике буковинского села Клишковцы, где и по сей день живет со своей семьей старый коммунист, персональный пенсионер, кавалер итальянской боевой медали Гарибальди, польской «За вашу и нашу свободу», медали «За участие в национально-революционной борьбе в Испании 1936—1939 гг.» Семен Яковлевич Побережник.

— Впервые венгерского писателя - коммуниста я встретил в далеком 36-м году в ма-

ления вокруг создавали у фашистов полную уверенность в непобедимости.

На холме под деревом я поставил свою «санитарку». Замаскировал ее зеленью. Прозвучала короткая команда. Построенные в цепь интербригадцы пошли на позиции врага. Фашисты до зубов вооружены и мастерски обучены. Наши же бойцы в большинстве своем с военным делом столкнулись лишь в эти минуты. К десяти утра сумели продвинуться километра на полтора. Вдруг отчаянно сопротивлялся. Вдруг вижу: в кустах невысоких оливковых деревьев замаскирован команд-

рассказывать в своих странах, что итальянцы не умеют воевать. М. Залка объясняет пленному, что его как раз захватили бойцы итальянской национальности, приехавшие на испанскую землю защищать интересы трудового народа. «Ваши же солдаты, господин генерал, пришли на эту землю для порабощения...» — ответил фашисту наш командир.

С тех далеких грозных лет в моей памяти осталось множество фактов из жизни М. Залки, которые я всегда буду помнить. Помню и тот трагический день...

Генерал Лукач вместе с П. И. Батовым и комиссаром бригады должен был продолжить инспектирование передовых позиций наших частей. Я подошел к командиру автомашины. Но генерал Лукач от моих услуг отказался, так как почувствовал, что я очень утомлен. Он приказал мне отдохнуть. За баранку по приказу командира бригады сел испанец Эмилио. Однако спать долго не пришлось. Буквально через 30—40 минут в штабе раздался тревожный телефонный звонок. Мне приказали

● МЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

«...Чтоб землю в Гренаде

крестьянам отдать»

первой машине... В это время автомобиль выскочил на простреливаемый участок дороги. С окраины Уэски мятежники открыли артиллерийский огонь. Огромной силой взрыва машины отбросило к скале. Как потом выяснилось, снаряд попал в правое переднее колесо. От удара открылись все двери машины. Я вылетел на дорогу и на короткое время потерял сознание. Когда очнулся, увидел неподалеку под мостом группу испанцев. Крикнул им: «Коче, санитарно!». Поднялся, прошел несколько метров, но острая боль в ноге свалила на землю. Тут я увидел Лукача. Он лежал в странной позе: ноги в машине, а туловище висало на шоссе... В это время подползли из-под моста два испанца. Я успел показать им рукой на генерала Лукача и снова потерял сознание... Очнулся в легковой машине. Сквозь застывший глаза туман увидел трех испанских бойцов, державших меня на руках. Они и доставили меня в полевой медицинский пункт Интернациональной бригады. Здесь на носилках лежал Матэ Залка. Голова его была забинтована. Я потребовал консилиума. Ко мне подошел начальник медицинской службы бригады доктор Хельбрун и тихо проговорил:

— Консилиум не поможет... Лукач убит...».

МНОГО волнующих эпизодов содержат воспоминания о венгерском писателе - коммунисте, присланном генералом армии П. И. Батовым. Они ценны еще и тем, что в них советский полководец сообщил адреса некоторых патриотов, непосредственно общавшихся с Матэ Залкой.

льском испанском городишке Альбасете, где он формировал свою знаменитую 12-ю интербригаду, — рассказывал он. — Вместе с группой коммунистов-единомышленников мы одними из первых вступили в бригаду Лукача. Лишь только через несколько десятилетий после гибели писателя - коммуниста, мы, оставшиеся в живых бойцы испанских интербригад, вдруг обратили внимание на такое интересное обстоятельство. Оказывается, 12-я интербригада была первым вооруженным формированием, которое на далеких Пиренеях вступило в смертный бой с фашизмом. Следовательно, мне посчастливилось принять участие в самом первом бою, который прогрессивное человечество планеты дало фашистам.

Каким запомнился мне этот первый бой?

Тихим летним вечером наша интербригада, состоявшая из бойцов различных национальностей, была погружена на машины. Это было в северном испанском городишке Альбасете. Машины двинулись в путь. Я управлял санитарным фургоном, который замыкал колонну. К концу второй ночи подошли к Мадриду. Горожан охватило всеобщее ликование, когда они узнали, что на защиту их республики от фашистов пришли люди из разных стран мира.

Это были дни, когда враг остервенело рвался к сердцу республиканской Испании.

Через пару часов, в восемь тридцать утра, мы подошли вплотную к вражеским позициям. Фашисты засели в расположенном высоко на горе средневековом замке. Его толстые стены, мощные укреп-

ленный пункт бригады. Матэ Залка буквально кричит в трубку: «Алло! Алло! Есть жертвы? Кого? Где?».

В это же время загудело небо. Три гитлеровских «юнкерса» с черными крестами на фюзеляжах хладнокровно расстреливали с воздуха наши позиции. Это была страшная картина. Но успевала отбормотать первая гитлеровская тройка, как им на подмогу шли другие. Тут заговорила наша артиллерия. Мы быстро сориентировались и стали давать залпы по врагу. Гитлеровские «люфтваффе» стыдно бежали. Ликованию бойцов не было предела. Мы освободили от фашистов первые сотни метров. Это была наша первая победа над врагом.

Мне, правда, ликовать было некогда. С поля боя нужно было срочно вывозить раненых. Залка приказал мне отправить их в тыл — в одну испанскую деревушку, отстоявшую от передовой километрах в восемь.

Мне ежедневно приходилось встречаться и разговаривать с Матэ Залкой, — продолжает Семен Яковлевич, — а также возить его на легковой машине. Помню, мы захватили в плен фашистского генерала, итальянца по национальности. Привозим его на допрос к Залке. Сначала фашист вел себя вызывающе, надменно. Залка был спокоен. Я стою напротив, не спуская глаз со своего командира. В комнату, где М. Залка и П. И. Батов ведут допрос пленного, стекаются бойцы и командиры. И вдруг надменный фашистский вояка расплакался, как ребенок. Оказывается... ему стало стыдно оттого, что мы, бойцы различных национальностей, после войны будем

срочно выехать в полевой госпиталь республиканских войск. Я не верил собственным глазам: обливаясь кровью, на носилках лежали тяжелораненые М. Залка, П. И. Батов, комиссар и Эмилио. Я тот же час позвонил бригадному врачу Хельбруну. Он моментально прибыл с адъютантом Лукача Алексеем Эйснером. Но уже ничто не могло помочь раненому командиру... Скончался от ран и наш испанский друг Эмилио. А Батову местные испанские медики помочь были бессильны. Требовалось вмешательство более опытного хирурга. Поэтому я звал его на себя и осторожно, чтобы не причинять лишней боли, понес Павла Ивановича к машине и благополучно довез его до своих.

К сожалению, с тридцатых годов я не сумел сохранить ни одного фотоснимка. Зато это удалось сделать генералу армии П. И. Батову. Он прислал мне как-то ценный подарок — фотографию, на которой запечатлены Матэ Залка, П. И. Батов и другие боевые товарищи у моей машины. И я храню ее как самую дорогую реликвию.

...НАД Клишковцами опускало солнце. Семен Яковлевич провожал меня в Ленинград. «Думаю, — говорит он, — скоро побывать на берегах Невы. Так получилось, что с довоенных годов не бывал там. А на дорогах Испании я не раз встречал ленинградцев. Была у нас переводчицей ленинградка — Регина. Жива ли? Пусть откликнется бывшие интербригадцы, ныне проживающие в Ленинграде...»

Г. НАБОЙЩИКОВ